

На вопросы редакции отвечает доктор юридических наук, доктор (*dottore di ricerca*) римского и гражданского права
Даниил Олегович ТУЗОВ

«РИМСКОЕ ПРАВО — ЭТО КАК КОЛЕСО ДЛЯ „МАШИНЫ“ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА»

Профессор кафедры гражданского права НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), профессор кафедры вещного права Российской школы частного права при Президенте РФ (Москва), доктор юридических наук, доктор римского и гражданского права. Преподает учебные курсы «Римское частное право», «Гражданское право», «Сравнительное частное право», а также спецкурсы «Сделки», «Защита вещных прав», «Юридическая латынь», «Введение в романистическую методологию и экзегезу источников римского права». Получил степень доктора (*dottore di ricerca*) римского и гражданского права в Римском университете *La Sapienza* (Рим, Италия). Около десяти лет преподавал в различных университетах Северной Италии (Тренто, Турин, Венеция, Новара) и занимался исследованиями в важнейших научных центрах римского и сравнительного права (Рим, Мюнхен, Турин, Павия, Гамбург). Член редколлегии, редакционных советов и научных комитетов российских и зарубежных научных и практических журналов, в частности «Закон» (Москва), *Tesseræ iuris* (Урбино, Италия), *Ius Romanum* (София, Болгария). Автор более 150 научных трудов по частному праву, значительная часть которых, включая три диссертации и шесть монографий, посвящена вопросам недействительности сделок. Соавтор учебников гражданского права и комментариев ГК РФ. Член Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Дальневосточного округа.

— Институт недействительности сделок имеет очень давнюю историю. Почему до сих пор остаются нерешенные или дискуссионные вопросы в этой области гражданского права? Что мешает их решить?

— Полагаю, это связано со значимостью данного института. Чем важен институт недействительности сделок? Он регулирует принципиальный, базовый вопрос всего частного права, а именно правовой эффект частной воли: быть ему или не быть. Частное право все построено на концепции частного волеизъявления, результат которого — некоторый правовой эффект или его отсутствие. По сути, во всех юридических спорах речь в конечном счете идет о признании наличия или отсутствия некоего правового результата тех или иных действий. Для одной стороны в споре важно, чтобы этот эффект был признан, для другой — принципиально наоборот, чтобы его не признать. И на исход такого спора может влиять и влияет масса фак-

торов, учитывать или не учитывать которые — тоже предмет дискуссии как на уровне доктрины, так и в конкретном деле. Поэтому в данной сфере в принципе не может быть однозначности, единого решения для всех и навсегда.

Кроме того, и сама по себе недействительность — многогранное понятие. Влечет ли признание недействительности констатацию того, что факта с правовой точки зрения не было, или же того, что все же что-то было, а если было, то каковы последствия, от чего зависит их выбор, как толковать ситуацию и норму в тех или иных случаях и т.д. Это объективно очень сложный институт, и то, что он давным-давно известен, как, собственно, почти все институты гражданского права так или иначе известны с римских времен, ничего не говорит о его разработанности и завершенности.

— На что сейчас ориентированы научные изыскания в отношении этого института права? На какие-то вечные проблемы или возникают новые запросы в этой сфере?

— Ответ на этот вопрос сильно зависит от страны. Если мы возьмем правопорядки, так скажем, где уже все более-менее устоялось, западноевропейские, допустим, итальянское право, которое мне наиболее близко, или немецкое, то там, насколько я знаю, по недействительности сделок новых фундаментальных исследований уже практически и не появляется. Да, есть объемные комментарии, в учебниках очень большая часть посвящена этой теме, но научные изыскания в виде монографий или статей появляются в основном по каким-то актуальным проблемам, которые ставит практика.

У нас немного сложнее, и это касается не только недействительности сделок, но гражданского права вообще, потому что, к сожалению, доктрина за постсоветский период еще не вполне сложилась и требуются исследования прежде всего по фундаментальным вопросам, что, конечно, не отменяет необходимости разрешения и текущих практических проблем. Поэтому для нас сейчас любые исследования актуальны, и они действительно проводятся.

— Какие основные проблемы недействительности сделок сейчас остаются и требуют разрешения?

— Если мы откроем соответствующий том «Глоссы»¹, то увидим там сплошные проблемы. «Глосса» ставит вопросы как уже возникающие на практике, так и «предвосхищающие» и предлагает варианты их решения. Из этого можно понять, в чем сейчас заключаются недостатки нашего правового регулирования, которые сохраняются прежде всего из-за недостаточного уровня доктринальных исследований. Одна из причин такого состояния доктрины и законодательства — то, что мы в наследство от советской цивилистики получили очень куцее учение о сделках. Это учение не имело в доктрине достаточного и многогранного развития, отсюда, соответственно, и пробельное или неадекватное законодательное регулирование. Например, в ст. 166 ГК РФ есть много непонятных и противоречивых положений, тот же п. 5 о так называемом «эстоппеле». В ст. 167 весьма сложные вопросы реституции решены традиционно, очень простыми советскими инструментами, которые в свое время, когда они оформлялись, просто не были рассчитаны на то многообразие фактических ситуаций, возникающих в связи с недействительностью сделок и требующих неодинаковых подходов, которое мы видим сегодня. К ст. 168 после ее реформы в 2013 году появилось много вопросов, главный из которых — насколько оправданна оспоримость как последствие нарушения сделкой императивных норм закона. Статья 169 ГК как-то половинчато и двусмысленно решает вопрос о таком последствии, как обращение полученного по сделке в доход государства, сегодня особенно часто находящем применение в судебной практике в связи с предполагаемым выводом активов в недружественные государства, и т.д. В результате изменений ГК РФ, принятых в 2013 году, зачастую непродуманных, положения о недействительности сделок разрослись, а ясности это не прибавило, только вопросов все больше возникает, разночтений в толкованиях и споров.

— Можем ли мы вообще отказаться от института недействительности сделок?

— Однозначно нет. Правда, звучат голоса даже некоторых авторитетных ученых о том, что этот институт

¹ Недействительность сделки: комментарий к статьям 166–181 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2025 (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).

вообще не нужен и даже вреден, поскольку из-за него якобы много судебных споров.

Хорошо, предположим, мы его отменили, но что тогда будет дальше? В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ сделки, противоречащие закону, ничтожны. Если отменить эту норму, то автоматически все законы, которые касаются сделок и содержат императивные нормы, не допускающие отступления от них, делаются *leges imperfectae* — «несовершенными законами», не предусматривающими никакой санкции за их нарушение. И что суд должен будет решить в таких случаях? Сторона, которой незаконная сделка выгодна, скажет: да, мы нарушили закон, но где в нем сказано, что сделка из-за этого недействительна? Ну оштрафуйте нас, выговор нам сделайте, но сделка тут ни при чем, она действительна! Или из чего тогда оспоримость сделки выводить? Один считает, что сделку можно оспорить и аннулировать, другой — что нельзя, а закон никаких критериев не дает, да и вообще институт оспоримости как таковой ему неизвестен: обманули вас — сами виноваты, что поддались на обман, насильно или угрозами жизни заставили вас сделку заключить — тоже пеняйте на себя, не надо быть робкими. Именно так подходило к вопросу когда-то древнейшее римское право, но потом, уже более двух тысяч лет назад, усилиями преторов оно пришло к тому, что последствия подобных неправомерных воздействий на волю стало возможным нейтрализовать, пусть и лишь на процессуальном уровне, без влияния на гражданско-правовой эффект сделки. Но должны ли мы, по мысли сторонников обсуждаемой идеи, откатиться на две тысячи лет назад в правовом развитии? Или нам следует лишать сделку правового эффекта или не лишать без какой-либо опоры на закон, в каждом конкретном процессе *ad hoc* на основе полного судебного усмотрения? Все-таки у нас действует принцип законности, и невозможно решать судьбу сделки на уровне лишь процесса и произвольно, подобно тому как решал в римском праве претор в отсутствие гражданского кодекса.

Те, кто высказывает подобное мнение, очевидно, раздражены валом дел по недействительности сделок. Но массовый характер таких дел связан с тем, что институт этот одновременно и крайне важный, и не разработанный у нас в должной мере. Причина раздражения понятна, но предлагаемое средство для устранения проблемы вряд ли пригодно. Если голова болит, то рецепт отсечь ее — не самый лучший.

— Есть ли какая-то специфика в признании недействительными сделок с цифровыми активами?

— Я не специалист в регулировании цифровых активов, но, на мой взгляд, в большинстве случаев в цифровом активе нет никакой особенности. Это нематериальное благо, по сути являющееся имущественным правом. А сделки совершаются далеко не только по поводу вещей, но и по поводу имущественных прав. Да, существует определенная специфика удостоверения прав на эти объекты, но не более. Думаю, что, как правило, нет каких-то особенностей недействительности сделок в зависимости от их предмета. Хотя если предметом недействительной сделки будут цифровые активы особого рода, фиксация которых децентрализованна (типа биткоинов, криптовалюты), то может возникнуть проблема осуществления их натуральной реституции по решению суда, а точнее, принудительного исполнения этого решения: здесь сразу же возникает вопрос о правовой природе таких активов как имущественных прав. Однако вопрос этот, по-моему, еще не решен среди специалистов в данной сфере.

— За последние годы в Гражданский кодекс РФ вносилось много изменений. Как Вы оцениваете эти изменения? Не превращается ли ГК в инструкцию?

— Да, к сожалению, это имеет место. Вот взять, например, раздел о юридических лицах. Им после многочисленных изменений, наслаивающихся друг на друга, стало невозможно пользоваться: там множество подразделов, многоступенчатая классификация, логику которой сами авторы не выдержали в полной мере. А многие статьи этого и других разделов Кодекса становятся просто необъятными. Возможно, такое увеличение объема вызвано беспокойством законодателя о том, что если вносить изменения и дополнения в отдельные законы (или в виде отдельных законов), то возникнет много противоречий между ними и Кодексом. Но проблема в том, что есть масса примеров, когда новеллы внесены в сам Кодекс, но при этом получается противоречие на противоречии, как будто разные люди писали и не читали, что в другой статье или даже в другом пункте той же статьи написано. В общем, если это основной мотив внесения изменений и дополнений в сам ГК, то он неоправдан.

Нужно руководствоваться идеей, которая изначально лежит в основании концепции кодификации, а именно:

кодекс должен быть не всепроникающим и всерегулирующим сводом правил, а максимально стройным, непротиворечивым и внутренне гармоничным актом, своего рода шедевром юридического искусства, какими были и есть основные великие кодификации — Кодекс Наполеона, Германское гражданское уложение, Швейцарский гражданский кодекс, а из более поздних, например, Итальянский ГК.

В кодексе должны быть закреплены принципиальные положения, а частности должны определяться отдельными специальными законами. Ни у кого же нет сомнений, что, например, Конституция не должна содержать исчерпывающего регулирования. Если там сказано о неприкосновенности собственности, это же не значит, что нужно в ней прописывать vindикационный процесс. Так же и с Гражданским кодексом должно быть.

— Как обстоят дела с этим в других правовых системах? Заметно ли снижение качества юридических текстов? И есть ли похожая тенденция к измельчению, превращению кодекса в инструкцию, например, в Италии?

— В современном юридическом мире широко распространено, наоборот, такое явление, как *декодификация*: оно выражается в том, что основной «груз» в правовом регулировании принимают на себя не кодексы, как то было в эпоху великих кодификаций, а специальное, текущее законодательство. Это явление в полной мере знакомо и нам. Однако с некоторых пор у нас наблюдается и противоположная тенденция, которую мы только что обсудили.

Если же говорить вообще о качестве правовых текстов и как пример взять Италию, то, надо сказать, итальянцы весьма критичны в этом вопросе по отношению и к своему законодателю, и к своим судам. Могу ошибаться, но у меня из опыта общения с ними сложилось такое впечатление. Нередко приходилось слышать, что все-то у них плохо: суды плохо пишут решения, законодатель плохо пишет законы. Наверное, итальянские юристы были бы помягче в своей оценке, если бы могли ознакомиться с нашими законами и судебными решениями. Лично я получаю большое профессиональное удовольствие, читая решения по гражданским делам Верховного Кассационного суда Италии и даже самых низовых итальянских судов и составляя по ним

обзоры². Это действительно прекрасный уровень юридической техники.

Превосходно написан и Гражданский кодекс Италии (впрочем, это уже, можно сказать, юридический памятник, хотя и действующий, поскольку был принят еще в 1942 году). Его качество могут оценить и российские юристы: пять лет назад был опубликован максимально приближенный к стилистике оригинала русский перевод Общей части его «Обязательственного права»³. Изменения в итальянский ГК, конечно, вносились, но не так, как у нас, когда одна статья становится больше целого раздела. В основном это происходило и происходит в связи с тем, что Италия, как и другие страны Евросоюза, должны принимать нормативные акты, направленные на имплементацию в национальную правовую систему положений директив ЕС, зачастую по фундаментальным частноправовым вопросам, составляющим предмет регулирования гражданских кодексов. Так, был случай, когда в связи с одной европейской директивой по вопросу защиты потребителей от несправедливых договорных условий⁴ итальянский законодатель во исполнение данной обязанности внес изменения в ГК, дополнив его новой главой «О договорах потребителя». Но потом, когда был принят отдельный Потребительский кодекс, положения о несправедливых условиях в сделках с потребителями получили закрепление в нем и все-таки были убраны их из ГК. То же самое произошло и с нормами, посвященными гарантиям при продаже потребительских товаров, которые первоначально были включены в главу итальянского ГК о купле-продаже.

— Насколько Совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства выполняет функцию охранителя юридической чистоты Кодекса?

— Я не слежу за его работой, поэтому не могу дать ей оценку. На мой взгляд, к сожалению, у нас мало что

² Они с начала 2020-х гг. публикуются в «Дайджесте новостей российского и зарубежного частного права», издаваемом Институтом «М-Логос» под редакцией А.Г. Карапетова.

³ См.: Тузов Д.О., Саргсян А.М. Общие положения об обязательствах Гражданского кодекса Италии (перевод и постановочный комментарий ст. 1173–1320) // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 1. С. 129–180; 2021. № 2. С. 83–140; № 3. С. 74–154.

⁴ Директива Совета Европейского экономического сообщества от 05.04.1993 № 93/13/СЕЕ «О несправедливых условиях в потребительских договорах».

в законодательстве широко обсуждается в экспертном сообществе до принятия соответствующего закона, а если и обсуждается, то мало что из обсуждения принимается во внимание. Вот проект изменений вещного права ГК РФ, по которому были высказаны многочисленные замечания, так и остается, насколько я знаю, в первоначальном виде и до сих пор лежит нереализованный.

— Какие основные вопросы сейчас стоят перед теорией и практикой в области гражданского права? Чем нужно заниматься юристам?

— О чем сейчас в основном пишут в журналах? О банкротстве, корпоративном праве, интеллектуальной собственности. Всем остальным, что не так подробно исследовано, точно надо заниматься. А вообще в профессии нужно заниматься тем, что интересно. У нас слишком много неисследованных вопросов.

— Какая сфера гражданского права развивается сейчас наиболее активно?

— Как я уже сказал, развиваются банкротство, корпоративное право, интеллектуальная собственность, а также все, что с цифрой связано. А вот, например, вещное право сильно отстает. Я бы сказал, что это самая пробельная часть гражданского права у нас, а ведь собственность — основа всего частного права.

— Римское право еще может служить для развития гражданского права? Как оно может быть полезно для современного юриста? Что не придумали римляне в гражданском праве, а должны придумать мы в нынешнее время?

— Я бы вопрос по-другому поставил, потому что наше современное частное право — это и есть римское право, лишь приспособленное к нынешним условиям. Мы же не сами придумали, например, право собственности, институты договора или завещания. Однако у нас бытует, к сожалению, слишком упрощенное понимание римского права — как чего-то, что было в незапамятные времена, и изучать его поэтому считается уделом историков и антикваров. Это неправильный подход. Из-за него как раз и существует среди многих юристов несколько пренебрежительное отношение к римскому праву, а его научное изучение и преподавание в нашей стране совершенно неразвиты.

Я бы спросил поэтому, наверное, иначе: может ли быть полезным для современного юриста римское право в более узком смысле слова, а именно как исторический феномен?

Но ответу вопросом на вопрос. А может ли быть еще полезным для современного автомобиля колесо или двигатель внутреннего сгорания? Они ведь были придуманы так давно! Вот примерно то же самое и с римским правом. Римское право — это основа, это как колесо для «машины» современного права.

Изучение римского права (повторюсь, мы сейчас говорим о нем именно как об историческом феномене) для современного юриста, безусловно, не только полезно, но и необходимо. Если юрист не хочет оставаться на уровне, так сказать, ремесленника-законоведа, то его должны интересовать не только позитивное право в смысле текстов законов и постановлений пленумов высших судов, но и сравнительно-правовые, исторические вопросы. Римское право несет в себе огромный эвристический потенциал, поскольку его изучение дает нам ключ к пониманию частноправовых институтов, их развития и факторов последнего, причем безотносительно к каким-то случайно-историческим обстоятельствам. Вот почему римские правовые концепции, принципы, отдельные институты в области частного права воспринимаются и приживаются в странах с самой различной правовой и общей культурой и историей — от прагматических западных до традиционных мусульманских обществ и ментально своеобразных дальневосточных цивилизаций. Даже *common law*, лишь минимально испытывшее на себе влияние римского права, развивалось на самом деле в русле тех же закономерностей, что и римское классическое право. Приведу лишь самые очевидные примеры: кодификация преторского эдикта с его формулами исков (*formulae actionum*) при императоре Адриане и закрытие реестра форм исков (*forms of actions*) в XIII веке в Англии, приемы фикции и аналогии, благодаря которым развивалось как римское, так и англосаксонское право. Поэтому изучение римского права, безусловно, неизмеримо расширяет кругозор и обогащает любого юриста.

Если же задаться вопросом, чего такого не было в Риме и что следует придумать нам в частном праве сегодня, то можно сказать, что римляне, помимо большинства всех существующих сегодня частноправовых институтов, изобрели главное — основу частного права: все основные частноправовые понятия, юридическую терминологию —

язык права, без которого право вообще невысказуемо, а также сам цивилистический образ мышления.

Хотя да, они много чего не придумали. Они не знали, например, права интеллектуальной собственности. Но что такое в своей основе право интеллектуальной собственности, как не распространение принципов абсолютности и неприкосновенности обычной, традиционной собственности на результаты интеллектуальной деятельности? Даже в плане терминологии юристы Нового времени не изобрели, по сути, ничего нового и лучшего, чем сказать, что это *собственность*, но только собственность интеллектуальная. Да, в Древнем Риме не было законодательства о защите прав потребителей, но уже во II веке до н.э. появилось регулирование курульных эдилов, которые осуществляли юрисдикцию по спорам из сделок, заключенных на публичных рынках; и это регулирование предусматривало хорошо известные сегодня иски в связи с недостатками товара — *actio redhibitoria* о расторжении договора купли-продажи и возврате вещи и *actio quanti minoris* о соразмерном снижении покупной цены. А сегодняшнее право покупателя при розничной купле-продаже требовать обмена не понравившегося ему товара, не имеющего недостатков, или возврата уплаченной за него цены признавалось уже римлянами как вытекающее из специального соглашения — *pactum displicentiae* о том, что если вещь покупателю не понравится, то он может ее вернуть. Все это легло в основу потребительского права и присутствует в том числе и в нашем действующем законодательстве о защите прав потребителей.

Не изобрели римляне также и ценные бумаги. Но если посмотреть на историю этого института, то можно обнаружить любопытный факт. В общем и целом эта история представляет собой процесс «материализации» самых обыкновенных имущественных прав требования, их закрепление на бумаге как материальном носителе с приданием последней функции не только удостоверения, но и самой формы существования этих прав. И что же происходит в течение нескольких последних десятилетий? Все возвращается на круги своя, и мы наблюдаем процесс «дематериализации» ценных бумаг. Теперь это снова просто имущественные права, особенность которых лишь в том, что они зафиксированы в некоем публичном реестре.

Мы видим, таким образом, что, в общем-то, ничего нет нового под солнцем. Однако многие современные

юристы, прекрасно знающие классические цивилистические институты, не задумываются и не осознают, что институты эти римские. Но все же главное — это не каталог сходств и интересных параллелей между современным и римским правом, а сам образ юридического мышления, заложенный римлянами и развитый последующими поколениями юристов — от средневековых глоссаторов до пандектистов XIX в. Этот образ мышления живет в нас и продолжает проявлять себя в нашей повседневной профессиональной деятельности — от познания права до его применения и аргументации правовых решений, а кроме того, его дальнейшего развития. Примеры этого нам постоянно предоставляет судебная практика: достаточно вспомнить сформулированную коллегией Верховного Суда РФ «новую» (но на самом деле римскую) концепцию добросовестности (*bona fides*) при приобретательной давности или концепцию «того же дела» (*eadem res*) для решения вопроса о допустимости получения истцом одновременного удовлетворения по конкурирующим исковым требованиям⁵. Так, в зависимости от конкретных практических нужд сегодня мы приспособливаем доставшееся нам римское правовое наследие к современным потребностям, чем, кстати, занимались всю свою историю и сами римляне, а после них — сменявшие друг друга на протяжении более тысячи лет поколения европейских юристов.

— Скажите, а почему именно римляне, а не эллины, например, внесли такой вклад в право? Как это объяснить?

— Расцвет римского права пришелся на эпоху, начавшуюся примерно в середине IV века до н.э., когда Рим вел победоносные войны и осуществлял территориальную экспансию. В этот период в связи с притоком в Рим колоссальных богатств расцветала торговля и бурно развивались иные рыночные отношения. А поскольку в центре всех этих процессов стоял Рим, осуществлявший политическое господство и обеспечивавший силами своих магистратов (преторов, курульных эдилов) рассмотрение многочисленных споров, возникавших в сфере торговли, морских перевозок, аренды, банковских операций и т.д., то именно в римском праве и были разработаны соответствующие регуляторы.

⁵ См. об этом в настоящем номере: Тузов Д.О. *Bis de eadem re ne sit actio!* Римская концепция *eadem res* в практике российских судов по делам о реституции в связи с недействительностью сделки (с. 36–46).

Далее, в течение классического периода процесс развития права несколько затухает, что обусловлено упадком экономики, но все равно машина правового развития, уже раскачавшись, продолжает еще какое-то время идти по инерции, и римское право обогащается теперь уже своим *научным* осмыслением — плодом труда множества классических юристов, создавших подлинную науку права. Но надо сказать, что эллинское, т.е. позднейшее греческое право, право восточных римских провинций, как раз в период постепенного упадка Рима оказывало очень сильное влияние на римское классическое право, которое в позднем своем изводе, к концу III века н.э., стало результатом некоего симбиоза права латинского с эллинским. Но обработка всего этого материала — заслуга именно римской юриспруденции, достигшей благодаря уже изложенным факторам высочайшего уровня.

— Нужно ли юристам знать латынь?

— Знать латынь вообще современному юристу, я думаю, нет насущной необходимости. Уже прошли те времена, когда латынь была единственным и универсальным языком науки, все книги писались на латыни и все европейские ученые могли их читать и понимали друг друга без переводчика (что касалось не только права, но и вообще любой науки: медицины, математики и т.д.).

Современная система образования и профессиональное сообщество, в том числе у нас в России, сильно изменились за последние 100–120 лет. Если раньше университеты выращивали, по сути, культурную элиту страны, а поступающие в них студенты уже знали несколько языков, в том числе два древних — латынь и древнегреческий, то сейчас университетское образование — это не признак элитарности, а просто какой-то необходимый пункт в биографии, в профессиональном росте по многим направлениям. И тем не менее знать хотя бы латинскую терминологию важно, на мой взгляд, для общего кругозора культурного человека, в том числе обычного практикующего юриста.

Для ученых же юристов, в том числе преподавателей, знать латынь, на мой взгляд, безусловно, необходимо. Особенно это касается, разумеется, тех, кто профессионально занимается римским правом. А если кто-то хочет внести научный вклад в романистику, написав статью, книгу, диссертацию по римскому праву, не зная

латыни, то это абсурд, это будет просто ненаучно. Но и вообще, думаю, что знать основы латинского языка и терминологии, правила склонения, спряжения, формы единственного и множественного числа нужно любому юристу, кто занимается юриспруденцией как наукой. Иногда бывает, читаешь какую-нибудь статью, в которой использован латинский термин, и видишь, что он просто скопирован, не будучи привязан к контексту, и написан с ошибкой (например, дан в единственном числе, когда в русском тексте речь идет о множественном, или не согласован с другим словом по роду). Выглядит это, конечно, неподобающе, непрофессионально и недостойно научной работы.

Я, кстати, преподаю юридическую латынь в вузе, веду факультатив. На него записывается мало студентов, потому что это довольно сложный предмет. Однако все действительно интересующиеся имеют возможность получить в нашем Университете это элитарное знание.

— Необходимо ли менять систему юридического образования в целом и какая роль в ней должна принадлежать римскому праву?

— Думаю, и это общее мнение сейчас, что мы увлеклись всякими модными нововведениями — болонская система, цифровизация, онлайн-курсы, упустив при этом главное — фундаментальность образования. Иногда можно услышать от руководства вузов, что, мол, «живой» лекционный курс римского права больше не нужен, так как в римском праве уже ничего не меняется и никогда не изменится, и что достаточно поэтому видео- либо онлайн-курса или чего-то в этом роде. Это, конечно, профанация обучения. Если так рассуждать, то, скажем, организм человека тоже не меняется: так что теперь, лекции по анатомии или по медицине больше не нужны? Меняется, возможно, не сам предмет, но в любом случае наше знание о предмете. Да и сам предмет в изменившихся условиях — это уже, по сути, новый предмет для изучения.

Мне кажется, очень важно вернуться к классическому образованию, хотя бы к тому уровню преподавания, который был в российских университетах до революции, потому что последующая история юридического образования в нашей стране при всех бесспорных достижениях все же в целом представляет собой скорее упрощение и упадок. Ведь, насколько ни покажется это утверждение странным, с тех пор за 100–120 лет кар-

динально в юриспруденции (не в позитивном праве, конечно!) мало что изменилось. Вспомним, что рецепция римского права началась в Западной Европе с конца XI века — более девяти столетий назад. То есть почти тысячу лет его изучают, и до сравнительно недавнего времени никто не говорил, что оно для современного юриста бесполезно. До революции 1917 года изучение и преподавание римского права в российских университетах находилось на весьма высоком уровне. Но разве за эти сто лет что-то столь существенно изменилось в частноправовых институтах, помимо всякой цифровизации, чтобы отбрасывать от себя девять веков правовой традиции?

А как обстоит дело с преподаванием римского права у нас сегодня? Можно прямо сказать, что оно изгоняется из университетов. Ничтожно малое количество часов лекций по римскому праву (от 18 до 36, иногда немного больше), причем зачастую в отсутствие семинаров (практических занятий), в том числе и в наиболее престижных вузах. Редкое исключение — факультет, на котором я работаю: у нас 90 часов лекций и 50 часов семинаров по римскому праву плюс, как я уже говорил, факультатив юридической латыни. Опыт показывает, что — как и по гражданскому и по любому другому праву — без решения казусов на семинарах невозможно постичь суть римского права, понять, как конкретно работали и продолжают работать его институты. Поэтому считаю, что в дидактическом плане изучение римского права надо расширять. Для этого необходимо пересмотреть учебные планы, определить приоритеты, выделить римскому праву количество часов, достаточное для действительно успешного освоения студентами этой базовой для юриста науки. Римское право должно занять достойное место в юридическом образовании.

Далее, что касается римского права как науки, то у нас сейчас ее просто нет, в отличие от тех стран, на которые мы равняемся. Даже китайцы в римском праве больше нас продвинулись. Они усиленно изучали и изучают его в Европе, в частности в Италии, потому что сделали сознательный ценностный выбор в пользу романо-германской правовой семьи. В этом русле находится и недавно принятый первый Гражданский кодекс КНР, и именно поэтому, а вовсе не из любви к чисто историческим штудиям, они изучают римское право. У нас же научных исследований по римскому праву практически нет. Такое состояние романистической науки напрямую сказывается на качестве преподавания. Большинство

преподавателей римского права черпают свои знания из учебников и другой скудной литературы на русском языке. Не зная латыни, немецкого или итальянского, они не занимаются и не могут заниматься римским правом на должном научном уровне.

При таком подходе мы рискуем потерять что-то очень важное и нужное для нас. Это мое глубокое убеждение. Чтобы исправить ситуацию, необходимо сделать знание и изучение римского права престижным для университетского преподавателя. Для этого нужно создавать в вузах кафедры римского права, увеличивать часы лекций, вводить семинары. В номенклатуре научных специальностей для защиты диссертаций на соискание ученых степеней в сфере юридических наук римское право должно значиться отдельно, а не прижиматься стыдливо не то к истории права, не то к гражданскому праву или, того хуже, рассматриваться в рамках вообще чисто исторической специальности.

Когда римское право станет действительно престижным, а это зависит от осознания его роли в образовании современного юриста, тогда и появятся, я в этом уверен, заинтересованные и талантливые будущие преподаватели, кандидаты и доктора наук, которые, зная латынь и современные языки, будут изучать римское право на подлинно научном уровне, рассматривая современное право в контексте многовекового правового развития. И тогда однажды мы сможем с полным основанием отнести сентенцию Луи Арагона «римское право больше не существует» к нашему историческому прошлому.

— А может, правильнее все же было бы изучать древнее русское право вместо «заморского» римского?

— По-моему, такая постановка вопроса неправильна. Римское право — такое же наше, как оно и западное, европейское. Хотя прямой его рецепции Россия, в отличие от континентальных западноевропейских стран, не знала, но оно начало проникать к нам после Крещения Руси опосредованно, через византийское право, произошедшее от римского. Основной скачок в правовом развитии России произошел в 30-е годы XIX века, когда граф М.М. Сперанский, составляя по поручению императора Николая I Свод законов Российской империи, осуществил так называемую крипторецепцию (тайное заимствование) множества римских или основанных на римском праве западноевропейских частноправовых институтов, а затем — во второй половине XIX века,

когда отечественная юриспруденция и судебная практика попали под влияние немецкой пандектистики, т.е. «современного римского права».

Возможно, какие-то исконно русские правовые институты, которые могли бы быть жизнеспособными и полезными, мы при этом утратили. Плохо это или хорошо, но это объективно случилось. Вероятно, некоторые из этих институтов просто повторили, развиваясь независимо, римские правовые конструкции, что может говорить об общих закономерностях развития права в целом. Однако так уж произошло, что римское право лежит в основе нашей правовой системы так же, как и в основе западных систем континентальной правовой семьи.

Другой немаловажный аспект: римляне отличались высочайшим уровнем рефлексии по поводу права. Именно они создали юриспруденцию как науку и подняли ее на высочайший уровень. Наши же предки особо о праве не размышляли, не анализировали и не разрабатывали его научно. Иными словами, не было у нас в древности того, что называют наукой права: несмотря на отмеченное римско-византийское влияние, вплоть до конца XVIII — начала XIX века в России отсутствовали научные школы в области права, не было научных исследований и юридической литературы. Своих, так сказать, Папинианов мы, увы, не знали.

— Какая система юридического образования Вам больше всего нравится из зарубежных?

— Я никогда специально вопросами организации образования не занимался. В Италии я преподавал, но не знаю досконально всю эту систему. У нас в России, если говорить об организации преподавания основных правовых дисциплин, таких как гражданское или уголовное право, в целом все не так плохо. Наш учебный процесс включает в себя помимо лекционных занятий также семинары, на которых решаются практические задачи. И семинары у нас — это, по сути, основополагающая форма обучения. В Италии же, например, только для некоторых предметов существует добавочная форма обучения — «практические упражнения», если переводить буквально, и она не имеет такого значения, как у нас. Но опыт показывает, что без решения казусов невозможно усвоить должным образом никакой юридический предмет.

И производственной практики у них нет. То есть студент закончил университет, получил диплом, и всё,

далее — свободное плавание. Далее он обучается уже на самой практике. Идет, например, помощником к адвокату, нотариусу или, если желает развиваться в академической среде, к профессору, зачастую работая без оплаты. Иными словами, сразу после выпуска юрист не готов еще к профессиональной деятельности.

Но все эти недостатки отчасти компенсируются тем, что правовая система и в Италии, и в Германии, и в других западноевропейских странах стабильная. Есть устоявшаяся практика высших судов: она, конечно, тоже развивается, но точно, постепенно, не резко. Есть прекрасные учебники, комментарии. Имея такую литературу, конечно, можно и самому хорошо выучиться. Но отсутствие семинаров и производственной практики — это все же существенный недостаток, на мой взгляд.

— А что Вам нравится в итальянской системе образования?

— В Италии, думаю, довольно высокий по сравнению с нашим уровень среднего специального образования. У нас, чтобы занять более-менее высокооплачиваемую должность, например управляющего отделением банка, как правило, должно быть высшее образование. А вот в Италии такие должности чаще замещают специалисты со средним специальным образованием, и это считается нормальным. Причем эти люди — отличные профессионалы. Может быть, у них нет университетского кругозора, но вот свою работу они выполняют на должном уровне. Университетское же образование, если мы говорим о юриспруденции, нужно, чтобы стать судьей, нотариусом, адвокатом. А чтобы быть банкиром, каким-то руководителем, этого не надо. Поэтому все-таки университетское образование в Италии, наверное, более элитарное, чем у нас. И мне кажется, это правильно.

— Недавно вышел 12-й том «Глоссы», посвященный как раз недействительности сделок. Вы один из авторов. Есть ли у Вас расхождения с другими авторами и если есть, то какие?

— Нет, разногласий особых не было и нет. Я комментировал основополагающие положения института недействительности сделок — ст. 166 и 167 ГК РФ. Согласовывать текст надо было только с ответственным редактором, Артемом Георгиевичем Карапетовым,

а с ним особых расхождений у меня нет, кроме как по каким-то второстепенным вопросам. Собственно, поэтому авторы и объединились в данный коллектив: «Глосса» получилась именно потому, что ее делали единомышленники.

Если говорить о каких-то фундаментальных расхождениях в позициях, то они были скорее при написании только что вышедшего комментария к подразделу «Объекты» Гражданского кодекса РФ⁶, для которого я комментировал помимо ст. 136 наиболее общую среди норм ГК об объектах — ст. 128 ГК РФ («Объекты гражданских прав»). Камнем преткновения стал вопрос, корректен ли содержащийся в указанной статье перечень и, в частности, являются ли имущественные права объектами гражданских прав, как там буквально написано, или же это только объекты гражданского оборота, т.е. сделок. По этому поводу с ответственным редактором Гадисом Абдуллаевичем Гаджиевым развернулась дискуссия, в итоге которой каждый остался при своем мнении и на содержании комментария это никак не сказалось.

— Используется ли «Глосса» или другие работы такого рода судами?

— Вообще, сама «Глосса» вполне готова к тому, чтобы суды принимали ее во внимание и применяли уже здесь и сейчас. Хотя, конечно, там не все вопросы решены; более того, многие только обозначены. Другое дело, применяется ли она судами реально. Этого я не знаю. Насколько мне известно, судьи из-за своей загруженности просто не в состоянии читать подобную литературу, и не только тома «Глоссы». Но это не означает, что их не надо писать.

Считаю, что практическая важность такого рода комментариев огромна. Это как раз шаг в том направлении, о котором мы говорили: в научном осмыслении проблем гражданского права и формировании адекватной, достаточно подробной литературы предмета, что является необходимым и неотъемлемым элементом любой сколько-нибудь развитой правовой системы. Если такая литература существует, то пусть хоть один судья ее прочитает, это может запустить судебную

практику в верном направлении. Ведь судьи же сталкиваются с практическими вопросами, иногда трудноразрешимыми. К чему же им обращаться? Не исключено, что для выхода из затруднения они обратятся к «Глоссе». А если такие комментарии не будут написаны, то к ним уж точно никто никогда не обратится. Но самое главное — это то, что сегодняшние студенты по своему уровню довольно существенно подросли профессионально и уже со второго курса усердно штудируют «Глоссу». Она стала для них подлинно настольной книгой (это верно, по крайней мере, для многих моих студентов). А по окончании университета они выйдут на практику и будут применять то, что изучили в стенах университета, что знают. Вот таким образом постепенно и меняется правовая система.

— Если в «Глоссе» или ином комментарии представлены разные мнения разных авторов, то каким мнением руководствоваться судье?

— Расхождение позиций у разных авторов в тех или иных пределах, безусловно, неизбежно и вполне нормально, даже если речь идет об одном комментарии. Ведь существует свобода мнений и научного творчества. Что касается судьи, то комментарии — это же не нормативный акт. Для судьи они могут иметь только убеждающую силу. В классическом римском праве, например, мнение каждого юриста считалось действующим правом, юриспруденция (творчество юристов) в целом была источником права. Эти противоречащие друг другу мнения составляли так называемое *ius controversum* — «противоречивое право», и судья мог свободно выбирать, с каким из этих мнений сообразовать свое решение. И хотя сегодня юридическая доктрина источником права не является, выбор, какому из доктринальных мнений следовать в принятии и обосновании решения, все так же сохраняется за судьей.

— Как выглядят с точки зрения гражданского права национализация и последующая реприватизация, в которых давние приватизационные сделки признаются недействительными? Каково Ваше отношение к таким искам?

— Полагаю, следует различать, каково объективно содержание существующего права и как это право применяется. А правоприменение, к сожалению, может быть обусловлено теми или иными мотивами, лежащими за пределами права. Мне не хотелось бы здесь

⁶ Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Гаджиева. М., 2025.

комментировать конкретные дела, отмечу лишь, что вынесение гражданско-правовых решений по политическим мотивам компрометирует, на мой взгляд, правовую систему в целом, а не конкретную норму. Мне приходилось выступать экспертом в нескольких делах другой категории, в которых сделка признавалась недействительной в силу ст. 169 ГК РФ как противная основам правопорядка и нравственности. При этом суд применял предусмотренное в этой статье последствие в виде обращения всего полученного по сделке в доход государства, не обращая внимания на то, что согласно ясному указанию этой же статьи подобное последствие может иметь место лишь в случае, прямо предусмотренном специальным законом, между тем как в этих делах такого закона не было. И более того, в одном деле, поскольку взыскать полученное стороной по сделке в доход государства оказалось невозможно, суд распространил рассматриваемую меру конфискационного характера на иное имущество стороны, которое не было предметом сделки, в частности на ее долю в уставном капитале общества. Решения такого рода, отвечая на данный момент времени тем или иным нуждам политического характера, не в состоянии принести правовой системе ничего, кроме вреда. И проблема здесь, совершенно очевидно, не в самих правовых нормах, подобным образом применяемых.

— Кого из русских и иностранных ученых-юристов Вы особенно цените и высоко ставите?

— Ограничусь лишь именами уже ушедших из жизни людей.

Если говорить об ученых отдаленного прошлого, то это прежде всего такие в подлинном смысле юридические гении, как Фридрих Карл фон Савиньи, Рудольф фон Иеринг и Теодор Моммзен. Нельзя не вспомнить и немецкого романиста середины XX века Фрица Шульца с его широко известными книгами о принципах римского права и о классической римской юриспруденции.

Говоря о русских дореволюционных ученых, следует в первую очередь назвать такие имена, как Лев Иосифович Петражицкий и Иосиф Алексеевич Покровский — это тоже подлинно мировые величины. «Права добросовестного владельца на доходы» Л.И. Петражицкого и «Основные проблемы гражданского права» И.А. Покровского — настоящие цивилистические шедевры.

Среди советских цивилистов для права нашей страны, конечно, трудно переоценить значимость вклада таких ученых, как Б.Б. Черепахин, А.В. Венедиктов, М.М. Агарков, О.С. Иоффе. Назову в этом же ряду и моих учителей — Б.Л. Хаскельберга и В.М. Чернова.

Из иностранных ученых-юристов совсем недавнего прошлого я бы прежде всего упомянул еще одного моего учителя, уже в области римского права, Марио Таламанку: он был, наверное, последним из подлинно великих романистов современности. Назову и других известных романистов, у которых мне довелось учиться, — это Феличано Серрао и Джулиано Крифó, или с которыми я имел возможность обсудить свои научные работы, — Альберто Бурдеше. Кроме того, мне посчастливилось быть знакомым и сотрудничать с такими выдающимися итальянскими цивилистами и компаративистами, имевшими мировую известность, как Франческо Галгано, выдающийся популяризатор частноправовой науки, и Родольфо Сакко, основатель итальянской научной школы компаративистики. Среди романистов я назвал бы еще некоторых из числа тех, кого лично не знал: это один из величайших современных немецких ученых Макс Казер, а также итальянские профессора Винченцо Аранджио-Руиц, Антонио Гуарино, Джованни Пульезе (последний был также и известным компаративистом).

— В завершение нашего разговора попросим Вас поделиться творческими планами.

— Мне бы хотелось прежде всего доделать то, что уже накопилось. Очень много написанного, но из-за нехватки времени не удается, к сожалению, довести эти материалы до публикации.

Это прежде всего объемные, но требующие доработки курсы римского права и римского гражданского процесса, а также учебник сравнительного частного права. Далее, это исследование о плодах в римском и современном праве. Хотелось бы переиздать мою книгу о недействительности сделок, а также вернуться к исследованиям в области римского права, где тоже имеется достаточно наработок, однако сейчас, к сожалению, из-за большого объема преподавательской работы научные изыскания в области римского права пришлось приостановить. Я бы хотел возобновить их. ■